

135. Ну и железных панцырей у вас под шлемами латинскими! — от них загремела земля, и многие народы — Гуны, Литва, Ятвяги, Прусы и Половцы — копыя свои побросали и головы свои склонили под ваши Фряжские мечи.
136. Но для Игоря, князь, уже помертвел солнечный свет, и деревья неладно листву обронили.
137. Расхищены города по Роси и по Суле, а Игоревой храброй рати не воскресить.
138. Князь! Дон тебя кличет и сзывает князей на победу.
139. Ольговичи, храбрые князья, уже готовы к бою.
140. Ингварь и Всеволод и все трое Мстиславичей, не худого гнезда шестокрылые ястребы! По жребию побед вы снискали себе вотчины.
141. Где же ваши золотые шлемы и копыя Ляшские и щиты?
142. Загородите степям ворота своими острыми стрелами ради Русской земли, ради ран Игоря, буйного Святославича!
143. Ведь больше Сула не струится серебром на радость Переяславу-граду, и Двина у Полочан, прославивших грозными, ныне под калки поганых тиною течет.
144. Один лишь Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о Литовские шлемы, побил славу деда своего Всеслава, когда сам он побит мечами Литовскими, пал под алыми щитами на окровавленную траву — не то с милою на постель.
145. И было уже прежде поведано Бояном:
146. «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали».
147. Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода: одиноко изронил ты жемужную душу из храброго тела сквозь золотое ожерелье.
148. Заглохла голоса, поникло веселье, и трубят одни лишь Городецкие трубы.
149. Ярослав и все внуки Всеславы! Пришла вам пора опустить свои стяги, вложить в ножны свои мечи иззубренные.
150. Ведь вы уже отбились от дедовской славы.
151. Ведь вы своими крамолами стали наводить поганых на землю Русскую, на добро Всеславова.
152. Ведь это из-за смуты пошло насилие от земли Половецкой земле Троянской в седьмом тысячелетии.
153. Кинул Всеслав жребий о девице желанной.
154. Уловкой опершись о копые, он прынул к Киеву-граду и задел было древком Киевский золотой престол.
155. Лютым зверем прынул он из Белгорода в полночь, таясь под покровом синей мглы.
156. Знать трижды ему удалось урвать по кусу удачи — отворил было он врата Новгороду, перешиб славу Ярославу.
157. Волком прынул он до Немиги и ток утоптал: на Немиге стелют снопы голова в голову и молотят цепами из Фряжской стали; на току кладут жизнь, вывевают душу из тела.
158. У Немиги окровавленные берега неладно были засеяны — засеяны костями Русских сынов.
159. Князь Всеслав людей судил, князем он города рядил, а в ночь сам же волком рыскал: из Киева к Тмутаракани добежал до петухов и волком великому Хорсу путь пересекал.
160. Ему с утра в колокола позвонили у святой Софии в Полоцке, а он в Киеве звон заутрени дослушал.
161. Хоть и вещая душа в двояком теле, но часто он люто страдал.
162. Про него вещей Боян уж загода присловье, премудрый, поведал:
163. «Ни искуснику, ни хитрецу, ни щebetливому птенцу Суда Божьего не миновать».
164. О, стонать Русской земле, помянув первоначальное время и первых князей!
165. Того старого Владимира нельзя было втеснить в горы Киевские.
166. А ныне стяги его одни за Рюриком, другие за Давидом, и бунчуки их развеваются врозь.
167. На самом на Дунае копыя поют.
168. Мне не слышится голос Ярославны: поутру к земле неведомой она кукушкою кукует.
169. «Полечу я кукушкою, — молвила, — вниз по Дунаю.
170. «Омочу я бобровый рукав в Каялы-реке.
171. «Утру я князю его кровавые раны на крепком его теле».
172. Ярославна плачет поутру в Путивле на стене кремлевской, приговаривая:
173. «О ветер-ветрило! Зачем ты, государь, сурово дуешь?»
174. «Зачем на своих беспечных крыльях ты Гунские стрелы взметаешь на воинов милого моего?»
175. «Или не вдоволь было тебе веять в вышине под облаками и качать корабли на синем море?»
176. «Зачем ты, государь, мое веселье по ковылям развеял?»
177. Ярославна плачет поутру в Путивле-городе на стене кремлевской, приговаривая: